

В этом и заключается утилитарное значение философии — овладение методологической культурой дает возможность каждому специалисту находить эффективные методы для решения возникающих проблем. Если же рассматривать эстетическое значение философии, то разве искусство мыслить не столь

же удивительно и прекрасно, как картины художников, игра на музыкальном инструменте, искусство танца, пение! Этим видам искусства мы начинаем обучать с раннего детства, а для обучения искусству мыслить не находим времени даже тогда, когда в этом испытываем острейшую необходимость.

Литература

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1993.

Т.А. Костюкова

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Томский государственный педагогический университет

Предметом особого внимания педагогики как науки и практики сегодня становится воспитательная работа, которая в последнее десятилетие в силу объективных и субъективных причин отошла на второй план. И дело здесь не только в разрушении в недавнем прошлом детских организаций, но и в социальных реалиях: в возникновении феномена бездуховности, проявляющегося, в частности, в агрессивном невежестве, которое уничтожает духовный «код» нации; в активном навязывании обществу западных ценностей. Дело, наконец, в переоценке роли образования и недооценке роли воспитания в становлении новых поколений. В каждом обществе должны быть эталоны для подражания, свои святые, мудрые люди старшего поколения. У молодежи должны быть положительные герои. Кто у нас герои? Кому хочет подражать подрастающее поколение? Бэтменам и терминаторам? Педагоги и психологи вынуждены фиксировать, что идет стремительное снижение уровня нравственного сознания молодежи, кризис ценностей. Приоритет насилия и невежества у подростков побуждает ученых начать работу по созданию новой философии воспитания, основанной на национально-духовном, нравственном фундаменте.

Чем обусловлено обращение к духовным корням, национальным традициям? Тем, что хотя наука, педагогика в том числе, не стоит на месте, в воспитании подрастающих поколений неоценимую помощь оказывает опыт, уже накопленный веками, сбереженный каждым народом, как одно из самых величайших духовных своих богатств. Воспитание гуманизма, человеческого достоинства, гражданственности корнями уходит в историю, культуру народа. И чем разнообразнее культурные, исторические формы, тем выше уровень развития культуры человека. «Воспитание, — отмечает, развивая эту мысль, известный отечественный этнопедагог Г.Н. Волков, — существует в народе столько же веков, сколько существует сам народ — с ним роди-

лось, с ним выросло, отразило в себе всю историю, все его лучшие качества» [1, с. 30].

По мнению ведущих в мире философов, этнографов, психологов, историков в основе народной культуры лежат религия народа, мораль, доправовые юридические нормы. Россия является многонациональной, по конфессиональному облику преимущественно христианско-мусульманской страной. Отсюда является важным осмыслить роль культурных ценностей христианско-православной и мусульманской педагогики. При этом, по справедливому замечанию академика М.И. Махмутова, если в педагогической литературе «тема православия как основы духовности представлена довольно хорошо, то проблема воспитания молодежи на основе мусульманского нравственно-этического учения почти не освещается» [2, с. 231].

Обращение к феномену мусульманской педагогики обусловлено, помимо этого, рядом причин. Во-первых, по разным оценкам, в Российской Федерации проживает от 15 до 25 млн мусульман [3, с. 139]. В Российской Федерации существуют регионы компактного расселения мусульман: Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Западная Сибирь, и в частности Томская область.

Во-вторых, по мнению исследователей [2, 3, 4], в современной России наблюдается процесс исламского возрождения, иначе говоря, исламский ренессанс, который включает в себя активизацию и взаимодействие как политического аспекта, так и духовно-практического [3, с. 140]. Процесс этот неоднороден. В нем есть и экстремистские, деструктивные, негативные течения. Однако они не перекрывают собой общего позитивного начала, хотя среди российского населения именно они вызывают больше всего страха и неприятия. Связано это с недостаточной информированностью о сущности и особенностях развития ислама как духовно-религиозного феномена. Это еще раз указывает на необходимость изучения коренных

ментальных культурных ценностей мусульманской педагогики.

Коренным народом территории, составляющей ныне Томскую область, являются татары. В древности татарский народ имел свою очень эффективную национальную систему воспитания, основанную на любви матери и бабушки к ребенку, на естественной потребности ребенка слушаться отца, искать у него защиты. Семья, состоящая из отца и матери, дедушки и бабушки, предостерегала ребенка от многих жизненных невзгод.

Система воспитания («гонан» – грех) была основной нормой поведения человека, определяла его нравственные устои, нарушения которых могли вызвать недовольство со стороны общества, его осуждение. Эта воспитательная система была прочно связана с природой и жизнью народа. Осуждение обществом («жэмзгать») деструктивного отношения к природе помогало татарскому народу формировать у молодого поколения экологическую культуру, заботливое отношение к окружающему миру. Такая система воспитания была в каждой семье. На этой основе создавались неписанные законы поведения, направленные на сбережение природы, которая обеспечивала материальное и духовное благосостояние семьи [4, с. 225–245].

В 1996 г. в Издательском доме Ш.А. Амонашвили в серии «Антология гуманной педагогики» вышла книга «Пророк Мухаммад». В ней представлены тексты Корана, занимающие особое место среди священных писаний. Как соотносятся эти тексты с педагогикой? Первый читатель отобранных текстов исламовед профессор Г.В. Милославский ответил так: «Если педагогика – это наука о воспитании человека, то истоки этой науки надо искать в текстах Священного писания, на основе которых тысячелетиями воспитывались поколения людей» [5, с. 34].

Суть ислама – по определению академика, доктора педагогических наук М.И. Махмутова – в поиске социальной справедливости, установлении моральных, нравственных норм и привычек, человеколюбивых отношений. И в этом он родственен христианству и иудаизму. Он признает и десять заповедей Моисея, и основные положения христианства. М.И. Махмутов отрицает мнение о том, что ислам построен на принуждении, в силу того, что само слово «ислам» означает покорность. Это неверно, так как ислам – покорность Богу, всемогущему Аллаху, но он не ограничивает свободы личности, не подчиняет одного человека другому, не отнимает у него его свободу и самостоятельность в принятии решения. Ислам – против принуждения, даже если дело касается его собственных принципов. «Нет принуждения в религии», – сказано в Коране (2: 257).

Этическое учение ислама предписывает мусульманину быть справедливым, воздавать за добро добром, за зло злом, быть щедрым, помогать

бедным и т. п. [5, с. 10]. Ислам создал эффективную систему законов об этике дозволенного и запретного. Эстетические ценности связаны в нем с любовью к Аллаху и людям. Почти все основные требования к мусульманину помещаются во второй суре Корана: «То, что вы поворачиваетесь лицом на восток или запад, это еще не означает, что вы совершаете благодеяние. Благодетелем тот, кто верит в Аллаха, в Последний день, в ангелов, в Коран, в пророков, благодаря своей любви к Аллаху раздает часть своего имущества своим близким, сиротам, оказавшимся в беде, путешественникам, бедным, пленным, тот, кто соблюдает намаз, раздает закят, тот, кто соблюдает договоренности, терпеливо сносит невзгоды во время беды или на поле брани» (2: 177).

Таким образом, все жизненные проблемы «процеживаются через нравственную нормативную сетку, что призвано спасти человека от эгоистических страстей и желаний, способствует расцвету личности, обладающей высокими морально-волевыми качествами» [5, с. 19–20].

В Коране дается свод правил культурного поведения на все случаи жизни, которые, как считает М.И. Махмутов, могут быть использованы сегодня в каждой семье, в каждой школе [5, с. 20]: «Не оказывай милости в надежде получить большее» (74: 6); «Каждый человек – в ответе за свои деяния» (74: 38); «Спешите творить добро» (78: 39); «Если вы вершите добро, то вершите для себя; если же вы вершите зло, то опять же для себя» (17: 7); «Тот, кто идет прямым путем, идет себе на пользу. Тот же, кто отклоняется с дороги, отклоняется во вред себе» (17: 15); «...выказывать доброе отношение к родителям. Если один из родителей или оба достигнут преклонного возраста, то не говори с ними сердито, не ворчи на них и обращай к ним уважительно. Осеняй их крылом смирения по милосердию и говори: «Господи! Помилуй их, подобно тому, КАК ОНИ МИЛОВАЛИ И РАСТИЛИ МЕНЯ РЕБЕНКОМ» (17: 23–24); «Не скупись, словно твоя рука прикована к шее, и не будь непомерно щедрым, а не то тебя будут порицать и будешь ты печалиться» (17: 29); «Не возлагается на душу ничего, кроме возможного для нее» (7: 233); «Кто скупится, тот скупится в отношении себя самого» (47: 40); «И пусть не престают обладающие щедростью из вас и достатком давать родственникам и бедным и выселившимся по пути Аллаха, и пусть они прощают и извиняют. Разве вы не хотите, чтобы Аллах простил вам?» (24: 22).

Обобщая нравственные нормы мусульман, собранные в Коране, М.И. Махмутов делает ссылку на еще одну сурю Корана: «Когда я один и когда я среди людей, Аллах повелевает мне жить его мыслью и быть в его охвате восприятия со следующими заповедями:

Не судить никого, будучи в ярости или в радостном состоянии.

Выбирать средний путь между богатством и бедностью.

Восстановить дружбу с тем, кто ее прервал.

Заниматься мыслительной деятельностью в момент молчания.

Раздавать блага тому, кто не подает руки.

Всегда сохранять во взгляде наставление и внушение.

Быть справедливым».

Итак, национальный компонент должен найти свое достойное отражение в образовании. Он помогает молодежи осмыслить духовно-культурные ценности, обращает ее к нравственным истокам. Главное – он приобщает к нравственно-этическому потенциалу родной культуры, передает ценности и традиции. Таким образом, национальный компонент – не просто объем познания в учебном процессе, он призван стимулировать, с одной стороны, этнокультурную самоидентификацию личности, с другой – диалог культур, способствующий положительному, толерантному взаимоотношению народов, воспитанию гражданственности.

В заключение следует сделать вывод о том, что особенность христианско-мусульманского конфессионального облика России проявляется в том, что формирование и развитие гуманного демократиче-

ского общества, создание условий для свободного духовного развития всех граждан немислимо без освоения тысячелетних традиций как христианской, так и исламской культуры. Их культурные ценности должны найти отражение прежде всего в содержании педагогической подготовки будущего учителя. Важно, чтобы в процессе обучения молодые люди получили ясное представление о палитре национальных культур, об опыте их взаимодействия и взаимовлияния, осознали, что этническое многоцветье – отражение своеобразия путей развития человеческого общества. Знакомство с культурой рядом живущего народа способствует расширению кругозора личности, вовлечению значимых ценностей национальной культуры в процесс нравственного, духовного развития человека. А это может быть обеспечено лишь открытостью образования. Именно открытость, ориентация на диалог различных культур, духовных ценностей, педагогических идей, методик – важнейшее условие эффективности образования. Как отмечал выдающийся представитель татарского просвещения Ш. Марджани, «уменье и просвещение можно брать везде, где оно есть. Знание и просвещение не знают ни национальных, ни языковых границ» [6].

Литература

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966. 171 с.
2. Махмутов М.И. Духовная сила Корана // Народное образование. 1999. № 6. С. 231–237.
3. Религия. История и современность / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 264 с.
4. Религия в истории и культуре / Под ред. М.Г. Писманника. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 430 с.
5. Пророк Мухаммад. М., 1997. 220 с.
6. Низамов Р. Основоположники педагогической культуры татарского народа // Народное образование. 1999. № 6. С. 238–241.